

литики, пронизанной манией величия, экспансионистских целей военных из Генерального штаба, агрессивной германской внешней политики Министерства иностранных дел, планов крупной промышленности относительно территориально-экономического проникновения с захватом капиталов. Но пример Финляндии показывает также, что все это недостижимо без кровавого насилия.

Ничто не иллюстрирует лучше территориальные масштабы германской стратегии в отношении периферийных государств, чем письмо добровольного сотрудника Министерства иностранных дел и организатора «Лиги иноземных народов России» остзейского барона Икскуля всего лишь 30-летнему советнику посольства Отто Гюнтеру фон Везендонку с дружеской признательностью за его неутомимую деятельность и активность в связи с революционной политикой в российских периферийных государствах. Икскуль предлагает — очевидно, скорее в шутку — соорудить два памятника в честь заслуг Везендонка: один — на северной оконечности Финляндии, другой — на южной оконечности Кавказа.

В качестве заметки на полях по поводу германской политики «апельсиновой корки» упомянем еще только, что роялистские круги в Финляндии, как и в Германии, в то время всерьез планируют посадить на финский трон германского принца. В качестве кандидатов называются принц Оскар Прусский, герцог Адольф Фридрих Мекленбургский, с которым хорошо оплачиваемый статский советник Эдварт Хельт не раз беседует по этому «финскому вопросу», и принц Фридрих Карл Гессенский. По случаю аудиенции у германского кайзера инкогнито приехавшего Свинхувуда и его министра иностранных дел 26 августа 1918 г. присутствующие сходятся на Карле Гессенском, зяте германского кайзера.

УДАР КУЛАКОМ В БРЕСТ-ЛИТОВСКЕ

Русские приезжают в Брест-Литовск, не очень гостеприимный город у железнодорожной линии Варшава—Москва на оккупированной германскими войсками пограничной террито-

рии российской части Польши, несколько наивными и подными надежд. Здесь в рождественскую неделю в конце 1917 г. должен быть официально подписан мирный договор между Россией и Германией.

Сразу же после успешного захвата власти большевиками новое правительство в Петрограде распоряжается о прекращении военных действий на российско-германском фронте и предлагает немедленное перемирие. Это был тот момент, которого давно и с нетерпением ожидал шеф германского Генерального штаба Эрих Людендорф, чтобы, наконец, перебросить массу германских войск с Восточного фронта для усиления Западного фронта.

Людендорф позднее вспоминает в своих мемуарах:

«Мысль о наступлении во Франции в 1918 г. уже в ноябре волновала многих вождей на Западе, меня, наверное, в первую очередь. Поэтому я с наивысшим напряжением ждал того дня, когда российское правительство попросит нас о перемирии. На фронте в ноябре на многих участках дело доходило до заключения местных перемирий. Частей, которые вели с нами переговоры, становилось все больше, с предложениями о прекращении военных действий приходили уже некоторые русские армии. Соглашения о перемирии кое-где вновь расторгались. Это была запутанная картина — наполовину война, наполовину мир...

26 ноября российский главнокомандующий, народный комиссар Крыленко, запросил по радиотелеграфу, готово ли Верховное командование германской армии к перемирию. Мы ответили утвердительно. Уже 2 декабря русские посредники пересекли немецкие линии. Переговоры немедленно начались в Брест-Литовске, где все еще находилась ставка главнокомандующего на Востоке. 15-го было подписано перемирие. Демаркационными линиями стали проволочные заграждения с обеих сторон. По желанию русских, на некоторых переходных пунктах было даже разрешено сообщение фронта с фронтом. Намерение вести пропаганду просматривалось ясно. Главнокомандующий на Востоке был убежден, что сможет сорвать эту попытку соответствующими мерами. Поэтому мы приняли на себя и это условие, чтобы только прийти к финишу».

Относительно несложное достижение перемирия с немцами, очевидно, приводит русских к ложному заключению, что теперь можно аналогичным путем добиться официального закрепления мира с заключением сепаратного мирного договора. В известном смысле тем самым была бы выписана и «квитанция» за большие деньги, данные немцами на подготовку и проведение революции. Русские сдержали слово с революцией и немедленным предложением перемирия. Теперь недостает еще только мирного договора.

Ленин назначает верного соратника Адольфа Иоффе руководителем российской делегации. По настояльному пожеланию российской делегации переговоры ведутся публично. Это не очень подходит для немцев, ведь теперь мировая общественность может до деталей проследить содержательные вопросы и ход бесед на переговорах с речами и контрречами.

С самого начала немцы задают тон на стороне бывших враждебных России держав — Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции (Османской империи). Немцы поручают австро-венгерскому министру иностранных дел графу Чернину фон унд цу Худеницу вести переговоры и уполномочивают его представлять позицию Центральных держав.

Официальные мирные переговоры в Брест-Литовске начинаются 22 декабря 1917 г. Русские представляют свою позицию, обобщенную в 6 пунктах. Русские недвусмысленно говорят о мирном договоре между Германией и Россией «без аннексий и контрибуций». В соответствии с этим они излагают 6 пунктов, с которыми выступает российская делегация, просто и наглядно:

1. Никаких насильственных аннексий. Ускоренный вывод войск с оккупированных территорий.
2. Полное восстановление политической независимости тех народов, которые лишились ее во время войны.
3. Возможность свободного решения вопроса о присоединении путем референдума к другой нации или приобретении государственной самостоятельности для национальных групп внутри существующих государств.
4. Обеспечение прав национальных меньшинств.

5. Никакой компенсации затрат на войну.

6. Применение пунктов 1—4 в колониях.

После этого граф Чернин излагает ответ германской делегации, которая создает видимость, что в принципе полностью согласна, но представляет по каждому в отдельности из 6 пунктов российской делегации рафинированно сформулированные модификации, которые, в конечном итоге, полностью изменяют первоначальный смысл российских предложений.

К каждому из 6 пунктов находится дополнение в духе «да, но» или «позже», практически означающее принципиально новое положение. Это выглядит так:

1. Освобождение оккупированных территорий оставляется до урегулирования вопросов по заключении мира.

2. Заявляется только, что в намерение союзников не входит лишать самостоятельности народы, до сих пор бывшие самостоятельными.

3. Положение национальных групп в государстве является делом не межгосударственного, а внутригосударственного регулирования. (Эта оговорка упраздняет принцип равенства и была предложена в интересах многонационального государства Австро-Венгрии и прусской части Польши.)

4. Защита национальных меньшинств признается лишь в той мере, насколько она практически осуществима.

5. Урегулирование затрат на войну увязывается с присоединением союзников к переговорам.

6. Настаивается на возвращении германских колоний.

Российская делегация вынуждена признать, что все еще предавалась иллюзии, будто немцы отреклись от старого принципа аннексий. Иоффе телеграфирует о неприятном сюрпризе в Петроград.

На второй день Рождества генерал-майор Макс Гофман, представитель Верховного командования армии, по согласованию с Кюльманом, кроме того, заявляет русским, что они не должны питать иллюзий. Центральные державы подходят к понятию «отказа от насильственных аннексий» совершенно иначе и имеют при этом в виду «добровольное отделение» опреде-

ленных областей России, т. е. Польши, Литвы и Курляндии, в духе своей «стратегии апельсиновой корки». Адольф Иоффе не может поверить своим ушам и выражает протест. Лев Борисович Каменев в ярости и после всех предварительных бесед чувствует себя начисто преданным и обманутым. Ведь согласно интерпретации германского генерала это как-никак означало бы, что немцы хотят видеть оторванными от России почти 18 губерний!

Кюльман цинично использует даже формулировку о «прелиминарном мире», своего рода предварительном мире. Российская делегация отъезжает в Петроград, чтобы по необходимости получить новые инструкции по дальнейшему ведению переговоров в связи с неожиданно безмерными и унизительными аннексионистскими требованиями немцев.

Иоффе этим скандалом, инсценированным немцами, практически отстранен от дел, радуется Чернин, а Гельферих даже позволяет себе говорить о Иоффе как о политическом трупе. Иоффе вынужден оставаться дома и выжидать. Правда, он отомстит, когда уже через несколько недель, в качестве первого посла Советской России в столице Германского рейха, окажется в резиденции на Унтер ден Линден и германские крупные промышленники и банкиры будут толпиться в его приемной, чтобы по возможности первыми заключить прибыльные торговые сделки с Советской Россией.

Однако теперь, во время первой паузы в Брест-Литовских мирных переговорах, немцы все же раздумывают, не может ли Иоффе осуществить свою угрозу — после условленного 10-дневного перерыва больше не возвратиться в Брест-Литовск для дальнейших переговоров.

Тем временем в Петрограде среди руководства большевиков распространяется холодное отрезвление. Всем ясно, что немцы ставят только на силовую карту. Между Лениным, Троцким, Каменевым, Иоффе и другими обсуждаются шансы на успех тактики проволочек: не следует ли подождать ожидаемых революционных акций европейского пролетариата и привести в движение «мировую революцию». Проходят многие стратегические и тактические мозговые игры. Ленин назначает Троц-

кого новым главой делегации, и 8 января русские возвращаются в Брест-Литовск.

В тот же день президент США Вильсон провозглашает свою программу из 14 пунктов, в которой он разъясняет позицию США по современному политическому положению. Это то самое уже упоминавшееся заявление, которое его специальный представитель в Петрограде м-р Эдгар Сиссон вручает в русском переводе по слуху своей первой и единственной аудиенции у Ленина. Троцкий уже находится в пути в Брест-Литовск. Позиция Вильсона однозначна: он хочет воспрепятствовать тому, чтобы между новыми властью имущими в Петрограде и главной державой, враждебной Антанте, кайзеровской Германией, был заключен сепаратный мир. Вильсон не отступает от своей цели — разгромить кайзеровскую Германию в военном и тем самым в политическом отношении. Поэтому он и требует в пункте 6 освобождения всей российской территории от германских войск.

Бесплодным спорам в Брест-Литовске не видно конца. Самое сильное и неуступчивое давление исходит от германской промышленности. В «Ходатайстве относительно пожеланий черной металлургии по заключению мира с Россией» при подготовке к Брест-Литовску уже 13 декабря 1917 г. еще раз перечисляются все требования германской индустрии 1914 г. по конечным военным целям: вновь предъявлены требования на угольные и железорудные месторождения на Украине и на Кавказе. Германская торговая палата требует, чтобы Россия после отделения в результате аннексии Польши, Финляндии и прибалтийских стран, «была превращена в объект для эксплуатации путем навязывания соответствующих экономических договоров».

Концерн Тиссена и Объединение германских чугунно- и стальнопромышленников указывают в сочельник 1917 г. у вновь назначенного вице-канцлера Карла Гельфериха на высококачественную руду Кривого Рога и для обоснования своих требований сетуют на снижение импорта железной руды из Швеции и Испании. Для транспортировки руды германские промышленные круги требуют предусмотреть при заключении сепаратно-

го мира с Россией даже перешивку необходимых железнодорожных магистралей до ширины, установленной в Германии. Они думают обо всем. 2 января 1918 г. тяжелая и легкая промышленность, а также торговля осаждают рейхсканцлера сразу многими ходатайствами о том, что в мирный договор с Россией необходимо включить положения, которые бы не только обеспечили доступ к российским источникам сырья, но и полностью исключили англо-американскую конкуренцию и открыли российский рынок для неограниченного проникновения германского капитала.

Когда после бесконечных споров переговоры в Брест-Литовске, казалось, вновь застывают на мертвой точке, по предварительной договоренности с Кюльманом наступает очередь «кулачного удара генерала», о котором так часто упоминалось впоследствии. Людендорф предварительно дал германскому генералу с Восточного фронта Гофману, начальнику Генерального штаба Верховного командования на Востоке, четкие директивы по жесткой стратегии переговоров с русскими в Брест-Литовске: основой остается старая линия германской аннексионистской политики 1914 г. Подкрепленный и подстрахованный таким способом своим высшим военным шефом, генерал-майор Гофман открыто выкладывает «германскую карту» на стол переговоров. 18 января он демонстрирует русским карту Восточной Европы, где начерчена линия, ограничивающая те территории, которые русские должны «уступить», если не хотят рисковать возобновлением войны с Германией. Это воспринимается всеми присутствующими как удар кулаком по столу. Вдобавок к странам, упомянутым уже в декабре, теперь еще указано, что русские должны очистить Лифляндию и Эстляндию! Троцкий реагирует соответственно и объявляет, что он и его делегация должны сначала поехать назад в Петроград для дальнейших консультаций.

Тут революционеры в Петрограде попадают в неизбежный цейтнот при принятии, пожалуй, самого важного решения со времени революции: либо сохранить революцию в урезанном остатке России и принять этот германский мирный диктат, либо покончить с еще продолжающимся перемирием и

продолжить войну с немцами. Ленин совершенно ясно осознает, что продолжение боевых действий при сложившемся положении было бы бесперспективным делом. Народ устал от войны и ждет исполнения лозунга большевиков «мира и хлеба». Троцкий, Бухарин и другие выступают за сопротивление германскому государственному руководству. Ленину с большим трудом удается утвердить предложенную тогда Троцким компромиссную линию с ее знаменитой формулировкой «Ни войны, ни мира» в качестве линии партии и правительства. С этой концепцией Троцкий вновь едет в Брест-Литовск.

Тем временем Кюльман и Чернин также отбывают для новых консультаций соответственно в Берлин и Вену. По двум их столицам тоже курсируют такие понятия, как «всеобщий мир», «сепаратный мир» и «мирный диктат». Людендорф придерживается мнения, что следует начать военное наступление на Петроград и свергнуть большевиков. Войска 8-го германского армейского корпуса, размещенные в прибалтийских провинциях, получают секретный приказ подготовиться к наступлению в направлении Ревель—Петроград.

Ничто не может лучше иллюстрировать отчаянную политическую ситуацию, чем сцена, которая разыгрывается в вечерние сумерки 26 января в Брест-Литовске. В серо-угрюмой атмосфере места ведения переговоров части кайзеровско-германских войск выходят на «вечернюю зорю». Во время военно-музыкальной церемонии в честь дня рождения германского кайзера, отмеченного накануне, военный оркестр играет при мерцающем свете ручных факелов, дымящих и чадящих, высоко поднятых стоящими навытяжку солдатами, «Слава Тебе в лавровом победном венце». Мрачная сцена в окружении немецких касок с шишаками больше напоминает конец охоты, «большой сигнал», по которому «укладывается» дичь.

Однако в Брест-Литовске политическая охота продолжается еще долго, пока, наконец, все же не ставятся подписи. 3 марта российская делегация их требования подписывает, выразив протест. Вопрос «кто кого?» в Брест-Литовске решен. Русским было не о чем вести переговоры. — Переговоры велись о них.